

·the big book·
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЛЕЙТЕНАНТ
ХОРНБЛАУЭР
Рука судьбы

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР
Под стягом победным

АДМИРАЛ
ХОРНБЛАУЭР
Последняя встреча

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР

КАПИТАН
ХОРНБЛАУЭР

ПОД СТЯГОМ ПОБЕДНЫМ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ф 79

C. S. Forester
THE HAPPY RETURN
Copyright © Cassette Productions Ltd, 1937
A SHIP OF THE LINE
Copyright © Cassette Productions Ltd, 1938
HORNBLOWER'S CHARITABLE OFFERING (short story)
Copyright © Cassette Productions Ltd, 1941
FLYING COLOURS
Copyright © Cassette Productions Ltd, 1938
This edition is published by arrangement with The Peters Fraser
and Dunlop Group Ltd
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Карты выполнены Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-20724-0

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод,
послесловие, 1994, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Все по местам!

I

Только что рассвело, когда капитан Хорнблауэр вышел на шканцы «Лидии». Буш, первый лейтенант, нес вахту. Он козырнул, но не заговорил — за семь месяцев в море он неплохо изучил привычки своего капитана. В первые утренние часы с ним нельзя заговаривать, нельзя прерывать ход его мыслей.

В соответствии с постоянно действующим приказом — подкрепленным уже и традицией (вполне естественно, что за столь невероятно долгое плавание сложились свои традиции) — Браун, рулевой капитанской шлюпки, проследил, чтобы матросы чуть свет выдраили и присыпали песком подветренную сторону шканцев. Буш с вахтенным мичманом при первом появлении капитана отошли на наветренную сторону, и Хорнблауэр немедленно начал расхаживать взад-вперед, взад-вперед по двадцати одному футу палубы, посыпанной для него песком. С одной стороны его прогулку ограничивали платформы шканцевых каронад, с другой — ряд рымболтов для крепления орудийных талей. Участок палубы, по которому Хорнблауэр прогуливался каждое утро в течение часа, имел пять футов в ширину и двадцать один в длину.

Взад-вперед, взад-вперед шагал капитан Хорнблауэр. Хотя он с головой ушел в свои мысли, подчиненные по опыту знали — его моряцкое чутье все время настороже. Не отдавая себе отчета, он следил за тенью грот-вант на палубе, за ветром, холодившим его щеку, и, стоило рулевому хоть немного оплошать, отпускал замечание, тем более резкое, что его потревожили в этот, самый значительный из дневных часов. Так же неосознанно он примечал и все остальное. Проснувшись на койке,

он сразу увидел по указателю компаса над головой, что курс — норд-ост, тот же, что и предыдущие три дня. Выйдя на палубу, он машинально отметил, что ветер с запада слабый и корабль под всеми парусами до бом-брамселей идет со скоростью, едва достаточной для управления рулем, что небо — вечно-голубое, как всегда в этих широтах, а море — почти совсем гладкое, и лишь долгие пологие валы монотонно вздымают и опускают «Лидию».

Первой осознанной мыслью капитана Хорнблауэра была такая: Тихий океан по утрам, синий вблизи и светлеющий к горизонту, похож на геральдический лазурно-серебряный щит. Он едва не улыбнулся: вот уже две недели он каждое утро ловил себя на этом сравнении. И сразу мозг его заработал четко и быстро. Он посмотрел на шкафут, увидел, что матросы драят палубу, прошел вперед — на главной палубе та же картина. Матросы переговаривались обычными голосами. Дважды он слышал смех. Это хорошо. Люди, которые так говорят и смеются, вряд ли замышляют мятеж — а капитан Хорнблауэр в последнее время постоянно держал в голове такую возможность. За семь месяцев в море корабельные запасы почти истощились. Неделю назад он срезал выдачу воды до трех пинт в день — маловато на десяти градусах северной широты при рационе из солонины и сухарей, особенно если вода эта семь месяцев простояла в бочках и кишит зеленой живностью.

Тогда же, неделю назад, последний раз давали лимонный сок. Уже в этом месяце надо ждать цингу, а доктора на борту нет. Хэнки, корабельный врач, скончался у мыса Горн от сифилиса и алкоголизма. Весь последний месяц табак выдавали по пол-унции в неделю — хорошо, что Хорнблауэр взял весь табак под свой личный контроль, иначе безмозглые матросы уже сжевали бы весь запас, а на людей, лишенных табака, полагаться нельзя. Он знал, что нехватка табака тревожит матросов больше, чем недостаток дров, из-за которого им ежедневно дают солонину, едва доведенную до кипения в морской воде.

Нехватка табака, воды и дров была тем не менее пустяком в сравнении с неминуемой нехваткой рома. Хорнблауэр еще не решился срезать дневную раздачу, и рома на корабле остава-

лось всего на десять дней. Лучшая в мире команда, если ее лишить рома, станет ненадежной. Они сейчас в Южном море¹, на две тысячи миль вокруг нет ни одного британского корабля. Не так далеко к западу лежат сказочные острова, там живут красивые женщины, а пища достается без труда. До счастливой, беспечной жизни рукой подать. Какой-нибудь негодяй, осведомленный лучше других, может бросить намек. Сейчас его оставят без внимания, но позже, лишенные блаженного перерыва на грог, матросы начнут прислушиваться. С тех пор как соблазненная чарами Тихого океана взбунтовалась команда «Баунти»², каждый капитан корабля его британского величества, заброшенный в эти воды велением службы, неизбежно мучился страхами.

Хорнблауэр, шагая по палубе, вновь пристально вгляделся в матросов. Семь месяцев в море без единого захода в порт дали ему блестящую возможность превратить шайку завербованных или собранных по тюрьмам людей в настоящих моряков, но они слишком долго не видели никакого разнообразия. Чем скорее корабль достигнет побережья Никарагуа, тем лучше. Поездка на берег развлечет людей, можно будет раздобыть воду, свежую пищу, табак и спиртное. Хорнблауэр мысленно вернулся к недавним расчетам местоположения. В широте он был уверен, а проведенные прошлой ночью наблюдения Луны вроде бы подтвердили хронометрические определения долготы — хотя трудно поверить, что на хронометры можно полагаться после семи месяцев в море. Менее чем в ста милях впереди, самое большое — в трехстах лежит тихоокеанское побережье Испанской Америки. Кристел, штурман, видя уверенность Хорнблауэра, только качал головой, но Кристел — старый дурак и никудышный навигатор. Ладно, ближайшие два-три дня покажут, кто был прав.

¹ Так с XVI по XVIII в. называли южную часть Тихого океана. — *Здесь и далее — примеч. перев.*

² Мятеж на британском корабле «Баунти», отправленном на Таити за саженцами хлебного дерева, произошел весной 1789 г. Матросы под предводительством первого помощника высадили капитана с немногими оставшимися верными ему членами команды в шлюпку, а сами вернулись на острова, где основали собственную колонию.

И тут же в голове у Хорнблауэра заворочались новые проблемы: как провести эти два или три дня. Людей нужно занять. Ничто так не способствует мятежу, как длительное безделье, — те десять отчаянных недель, пока огибали мыс Горн, Хорнблауэр мятежа не боялся. В предполуденную вахту он объявит учебную тревогу и потренирует матросов в стрельбе — по пять выстрелов из каждой пушки. Отдача на время замедлит продвижение судна, но тут ничего не попишешь. Быть может, это последнее учение перед тем, как пушкам придется стрелять всерьез.

Мысль о предстоящих учениях дала Хорнблауэру новую пищу для размышлений. Пять выстрелов из каждой пушки — это примерно тонна пороха и ядер. Осадка «Лидии» и так уменьшилась, поскольку припасы на исходе. Хорнблауэр мысленно представил трюм фрегата и взаимное расположение кладовых. Пора вновь обратить внимание на дифферент. После того как матросы пообедают, он прикажет спустить шлюпку и обойдет вокруг корабля на веслах. Он ожидал, что увидит легкий дифферент на корму. Завтра, возможно, надо будет передвинуть каронады № 1 на полубаке туда, где они стояли первоначально. Пока он будет осматривать корабль, придется убавить парусов. Значит, можно сделать все как следует и дать Бушу погонять команду наверху. Буш, как и пристало первому лейтенанту, питает слабость к такого рода учениям. Сегодня команда сможет побить свой прежний рекорд — одиннадцать минут пятьдесят одна секунда на постановку стеньг и двадцать четыре минуты семь секунд, считая с момента установки стеньг, чтобы поднять все паруса. И тот и другой результат — в этом Хорнблауэр был с Бушем солидарен — далеко не предел: многие команды управляются быстрее, по крайней мере, если верить их капитанам.

Такелаж тихонько зашептал. Значит, ветер крепчает. Судя по холодку на шее и щеке — еще и отошел на румб или два. Едва отметив эти изменения и начав гадать, скоро ли заметит их Буш, Хорнблауэр услышал, как зовут вахту. Мичман Клэй громкозвучно сзывал ютовую команду. Когда они покидали Англию, у мальчика ломался голос; с тех пор он научился им вла-

деть, а не взвизгивать и хрипеть попеременно. Все так же не обращая видимого внимания на происходящее, не прерывая прогулки, Хорнблауэр вслушивался в привычную последовательность звуков. Вахта с топотом бежала к брасам на корму. Хлопок и вскрик сообщили Хорнблауэру, что боцман Гаррисон саданул тростью какого-то неповоротливого или просто незадачливого матроса. Гаррисон — отличный моряк, но у него есть одна слабость: обожает припечатать тростью хороший округлый зад. Всякий, на ком штаны сидят в обтяжку, вполне мог заработать рубец на задку единственно по этой причине, особенно если ему по обязанности случилось нагнуться в тот момент, когда Гаррисон проходит мимо.

Размышления о слабости Гаррисона занимали Хорнблауэра почти все время, что паруса брасопили по ветру; они оборвались в тот момент, когда Гаррисон выкрикнул: «Стой!» — и вахта побрела к своим прежним делам. Дин-дон, дин-дон, дин-дон, дин-дон — пробил колокол. Семь склянок утренней вахты. Хорнблауэр уже перегулял свой установленный час и с удовлетворением чувствовал под рубашкой капельки пота. Он подошел к стоящему подле штурвала Бушу.

— Доброе утро, мистер Буш, — сказал капитан Хорнблауэр.

— Доброе утро, сэр, — сказал Буш, в точности как если бы капитан Хорнблауэр не прохаживался час с четвертью в четырех ярдах от него.

Хорнблауэр посмотрел на доску, где записаны показания лага за последние двадцать четыре часа. Ничего особенно примечательного — три узла, четыре узла с четвертью, четыре узла и так далее. Курсовая доска свидетельствовала, что все сутки корабль шел на северо-восток. Капитан чувствовал на себе пытливый взгляд первого лейтенанта и знал, что тот изнывает от желания задать вопрос. Лишь один человек на борту знал, куда направляется «Лидия», — сам Хорнблауэр. Он вышел в море с запечатанными приказами и, вскрыв их, согласно указаниям, на 30° N 20° W, не счел нужным ознакомить первого лейтенанта с их содержанием. Семь месяцев лейтенант Буш успешно перебарывал искушение спросить, но напряжение уже заметно на нем сказывалось.

— Кхе-хм, — Хорнблауэр прочистил горло. Ни слова не говоря, он повесил доску на место, спустился по трапу и вошел в спальную каюту.

Бушу не повезло. Хорнблауэр не опасался, что тот разболтает содержание приказов, и оставлял его в неведении совсем по иной причине. Хорнблауэр боялся собственной болтливости. Пять лет назад, впервые выйдя в море капитаном, он не сдерживал природной общительности, а тогдашний первый лейтенант, злоупотребляя капитанской слабостью, дошел до того, что обсуждал чуть ли не каждый его приказ. В прошлом плавании Хорнблауэр постарался ограничить общение с первым лейтенантом рамками обычной вежливости, но обнаружил, что постоянно за них выходит. Стоило ему открыть рот, он, к своему последующему огорчению, успевал наговорить лишнего. На сей раз он вышел в море с твердым намерением (подобно зарекшемуся пить пьянице) ничего без необходимости не говорить, а приказы, настаивавшие на соблюдении строжайшей секретности, только укрепили его решимость. Семь месяцев он держал зарок, делаясь молчаливее день ото дня, пока противоестественная сдержанность не стала второй натурой. В Атлантическом океане он еще иногда беседовал с мистером Бушем о погоде. В Тихом он снисходил лишь до того, чтобы прочистить горло.

Крохотная спальня была отгорожена от главной каюты переборкой. Одну ее половину занимала восемнадцатифунтовая пушка, на другой еле-еле помещались койка, письменный стол и сундук. Вестовой Полвил положил бритву и кожаную чашку на кронштейн под зеркальцем в переборке и вжался в письменный стол, давая капитану войти, — два человека с трудом помещались в тесной каюте. Полвил ничего не сказал. За эту немногословность Хорнблауэр его и выбрал — даже в общении со слугами он вынужден был постоянно оставаться начеку, чтобы не впасть в навязчивый грех болтливости.

Хорнблауэр стянул мокрую рубашку и штаны, побрился, стоя нагишом перед зеркалом. Лицо, которое там отражалось, не было ни красивым, ни уродливым, ни молодым, ни старым.

Печальные карие глаза, довольно высокий лоб, довольно прямой нос; рот, сжатый с твердостью, приобретенной за два-

дцать лет морской службы. Непослушные каштановые кудри уже начали редеть, отчего лоб казался еще более высоким. Это раздражало капитана Хорнблауэра, он с отвращением сознавал, что лысеет. Заметив это, он вспомнил и о другом источнике своих огорчений. Он посмотрел вниз на свое нагое тело. Он строен и мускулист — вполне приятная фигура, когда он распрямляется на все свои шесть футов. Но там, где кончались ребра, неопровержимо присутствовал округлый животик, уже выдававшийся за линию ребер и подвздошной кости. Хорнблауэр с редкой в его поколении силой не желал толстеть. Мерзко было думать, что его стройное гладкое тело обезобразит неприглядная выпуклость; вот почему он, человек, в общем-то, ленивый и внутренне чуждый распорядку, принуждал себя каждое утро прогуливать по шканцам.

Он закончил бриться, отложил бритву и кисточку Полвилу для мытья и подождал, пока тот накинет ему на плечи ветхий саржевый халат. Вместе они вышли на палубу и подошли к баковой помпе. Там Полвил снял с него халат и принялся качать помпой соленую забортную воду, пока капитан сосредоточенно поворачивался под струей. Когда душ был окончен, Полвил накинул халат на мокрые плечи капитана и следом за ним спустился в каюту. Чистая льняная рубашка (ветхая, но тщательно заштопанная) и белые штаны лежали на койке. Хорнблауэр оделся. Полвил подал ему потертый синий сюртук с потускневшим галуном и шляпу. Все это без единого слова, так Хорнблауэр вышколил себя, подчиняясь добровольному обету молчания. Ненавистник рутин, он, избавляясь от необходимости говорить, настолько закоснел в рутине, что, как обычно, вышел на палубу в точности с первым ударом восьми склянок.

— Все наверх экзекуцию смотреть? — спросил Буш, козыряя.

Хорнблауэр кивнул. Боцманматы засвистели в дудки.

— Все наверх экзекуцию смотреть! — орал Гаррисон с главной палубы, и вскоре матросы выстроились в ряды на предписанных местах.

Хорнблауэр с каменным лицом застыл у шканцевых поручней. Он стыдился, что считает экзекуцию зверством, что

назначает ее против воли и смотрит через силу. Две или три тысячи порок, виденные им за последние двадцать лет, ничуть его не ожесточили; напротив, он горестно сознавал, что теперь переносит их гораздо болезненнее, чем семнадцатилетним мицманом. Но сегодняшней порки было не избежать. Некий валлиец по имени Оуэн никак не мог отучиться плевать на палубу. Буш, не советуясь с капитаном, поклялся, что будет пороть его за каждый плевок, и Хорнблауэр, дисциплины ради, вынужден был своей властью скрепить это решение, даже сознавая, что обещанное наказание вряд ли пойдет впрок идиоту, которого не остановила угроза порки.

К счастью, все кончилось быстро. Боцманматы привязали обнаженного по пояс Оуэна к грот-вантам и под барабанный бой выпороли его. Оуэн, вопреки обыкновению других матросов, орал от боли всякий раз, как девятихвостая кошка впивалась ему в спину, и дергался, молотя по палубе босыми ступнями, пока под конец назначенных ему двух дюжин не обвис на привязанных руках тихий и недвижимый. Его окатили водой и отнесли вниз.

— Матросам завтракать, мистер Буш, — бросил Хорнблауэр. Он надеялся, что тропический загар скрыл от окружающих его бледность. Истязать несчастного полудурка — не лучший способ скоротать время до завтрака, а что особенно мерзко, он сам во всем виноват: не нашел в себе ни решимости, чтобы прекратить порку, ни изворотливости, чтобы выбраться из тустика, в который загнал его своим решением Буш.

Шеренга офицеров на шканцах рассыпалась. Джерард, второй лейтенант, принял у Буша вахту. Корабль — словно волшебная мозаика: кто-то встряхнул ее, перемешал кусочки, а они тут же выстроились в новом, закономерном порядке.

Хорнблауэр спустился в каюту. Полвил уже накрыл к завтраку.

— Кофе, сэр, — сказал Полвил. — Рагу.

Хорнблауэр сел. За семь месяцев в море все деликатесы давным-давно кончились. «Кофе» представлял собой черный отвар пережаренного хлеба, и единственное, что можно было сказать в его пользу, так это что он сладкий и горячий. Словом

«рагу» именовалась неопишемого вида мешанина толченой сахарной крошки и рубленой солонины. Хорнблауэр ел рассеянно. Лево́й рукой он постукивал по столу галетой, чтобы жучки успели вылезти к тому времени, когда он докончит рагу.

Он ел, а до него беспрестанно доносились корабельные звуки. Всякий раз, как «Ли́дия» приподнималась на гребне волны, все ее деревянные части поскрипывали в унисон. Над головой стучали башмаки расхаживающего по шканцам Джерарда и временами раздавалась быстрая поступь мозолистых матросских ног. Ближе к носу монотонно лязгали помпы, выкачивая воду из внутренностей судна. Но все эти звуки были преходящи, и лишь один не смолкал никогда, так что ухо привыкало к нему и не различало, пока специально не обратишь внимание, — шелест ветра в бесчисленных тросах такелажа. То было еле слышное пение, гармония тысяч высоких тонов и полутонов, но оно звенело по всему судну, передаваемое по древесине от русленей вместе с медленным, размеренным скрипом.

Хорнблауэр доел рагу и обратился взором к галете, которой прежде постукивал по столу. Он созерцал ее со спокойным отворачиванием — неважная пища, к тому же без масла (последний бочонок прогорк месяц тому назад), и сухие крошки придется запивать кофе из пережаренного хлеба. Но прежде, чем он успел откусить, с мачты раздался дикий крик. Хорнблауэр замер, не донеся до рта сухарь.

— Земля! — услышал он. — Эй, на палубе! Земля в двух румбах слева по курсу, сэр!

Это впередсмотрящий с фор-салинга окликал палубу. Хорнблауэр, по-прежнему держа руку с сухарем на весу, услышал на палубе шум и беготню — офицерам и матросам, равно не ведающим, куда они плывут, страстно хотелось увидеть землю — первую за три месяца. Он и сам был взволнован.

Сейчас выяснится, правильно ли он выбрал курс; мало того, возможно, в ближайшие двадцать четыре часа он приступит к исполнению опасной и трудной миссии, возложенной на него их сиятельствами лордами Адмиралтейства. Сердце учащенно

забилось. Он страстно желал, подчиняясь первому порыву, броситься на палубу, но сдержался. Еще больше он хотел предстать в глазах команды абсолютно невозмутимым и уверенным в себе человеком — и не из одного тщеславия. Чем больше уважения к капитану, тем лучше для корабля. С видом полного самообладания он закинул ногу на ногу и безучастно попил кофе, когда в дверь, постучавшись, влетел мичман Сэвидж.

— Мистер Джерард послал меня сказать, что слева по курсу видна земля, сэр, — выговорил Сэвидж.

Общее волнение было так заразительно, что он с трудом стоял на месте. Хорнблауэр заставил себя еще раз отхлебнуть кофе и лишь потом заговорил очень медленно и спокойно.

— Скажите мистеру Джерарду, я поднимусь на палубу, как только закончу завтракать, — сказал он.

— Есть, сэр.

Сэвидж стремглав вылетел из каюты; его большие неуклюжие ноги застучали по трапу.

— Мистер Сэвидж! Мистер Сэвидж! — заорал Хорнблауэр. Широкое лицо мичмана вновь появилось в двери.

— Вы забыли закрыть дверь, — сказал Хорнблауэр холодно. — И пожалуйста, не шумите так, поднимаясь по трапу.

— Есть, сэр, — отвечал совершенно уничтоженный Сэвидж.

Хорнблауэр удовлетворенно потянул себя за подбородок. Он вновь отхлебнул кофе, но силы откусить сухарь уже не нашел. Подгоняя время, он забарабанил пальцами по столу.

С салинга долетел голос Клэя, — очевидно, Джерард велел мичману взять подзорную трубу и подняться туда.

— Похоже на огнедышащую гору, сэр. Две огнедышащие горы. Вулканы, сэр.

В ту же секунду Хорнблауэр начал припоминать карту, которую столько раз изучал, уединившись в своей каюте. Все побережье усеяно вулканами; присутствие двух слева по курсу отнюдь не позволяет точно определить положение судна. И все же... все же... Вход в залив Фонсека отмечен именно двумя вулканами слева по курсу. Вполне возможно, что он вывел корабль в точности к цели — через одиннадцать недель после

того, как в последний раз видел землю. Дольше ждать было свыше его сил. Он поднялся из-за стола и, в последний момент вспомнив, что должен идти степенно и с видом полного безразличия, вышел на палубу.

II

На шканцах толпились офицеры: все четыре лейтенанта, штурман Кристел, лейтенант морской пехоты Симмондс, баталер Вуд, вахтенные мичманы. Старшины и унтер-офицеры облепили ванты, и все подзорные трубы на корабле были пущены в ход. Хорнблауэр осознал, что строгий ревнитель дисциплины возмутился бы этим вполне естественным поведением, и посему отреагировал соответственно.

— Что такое? — рявкнул он. — Неужели вам нечем заняться? Мистер Вуд, я побеспокою вас просьбой послать за купором и вместе с ним приготовить бочки для воды. Уберите бомбрамсели и лисели, мистер Джерард.

Засвистели дудки, Гаррисон заорал: «Все наверх, паруса убирать!» Джерард со шканцев отдавал команды. На корабле вновь воцарилась деловитая суета. Под обычными парусами «Лидия» ритмично качалась на мелкой зыби.

— Мне кажется, сэр, сейчас я вижу с палубы дымок. — Джерард чуть виновато напоминал капитану, что они приближаются к земле. Он протянул подзорную трубу и указал вперед. У самого горизонта под белым облачком что-то серело, возможно что и дым.

— Кхе-хм, — сказал Хорнблауэр по привычке.

Он прошел вперед и полез на фока-ванты с наветренной стороны. Он не был силачом, и предстоящая задача отнюдь его не радовала, но деваться было некуда, надо было лезть. Именно поэтому он счел для себя недопустимым, несмотря на сильно мешавшую ему подзорную трубу, пролезть в собачью дыру, и вместо этого проделал сложный обходной путь по путенс-вантам. Не мог он и остановиться передохнуть, зная, что служащие

под его началом мичманы играючи пробегают без остановки от трюма до клотика грот-бом-брам-стенги.

Путь по фор-брам-стенг-вантам серьезно его утомил. Тяжело дыша, он выбрался на фор-брам-стенги-салинг и попытался направить подзорную трубу прямо. Он никак не мог отдышаться, мешала и внезапно накатившая нервозность. Клэй беспечно восседал верхом на ноке рея футах в пятнадцати от него, но Хорнблауэр как будто не замечал мичмана. Легкое штопоробразное качание судна заставляло Хорнблауэра вместе с верхушкой стенги описывать большие круги: вверх, вперед, вбок, вниз. Сперва он видел далекие горы лишь мельком, но через некоторое время поймал их в поле зрения трубы. Ему представился странный пейзаж. Острые пики нескольких вулканов: два очень высоких слева, россыпь конусов поменьше слева и справа. Пока Хорнблауэр глядел, из одного вулкана вырвалась струйка серого дыма — не из вершины, а из побочного жерла — и лениво поползла к висящему над ним белому облачку. За вулканическими конусами виднелся хребет, отрогами которого они и были; но и сам хребет представлялся цепочкой потухших вулканов, размытых и выветрелых с течением столетий, — можно представить, что за адскую кухню являл собой этот берег, когда все они извергались разом. Вершины гор были тепловато-серыми — серыми с розовым оттенком. Ниже Хорнблауэр видел как бы зеленые прожилки — очевидно, растительность вдоль промоин и ручьев. Он отметил относительные высоты и взаимное расположение вулканов, на основании этих данных мысленно нарисовал карту и сравнил с той, которую хранил в памяти. Сходство было несомненное.

— Мне кажется, сэр, я только что видел прибой, — сказал Клэй.

Хорнблауэр перенес взгляд с вершин к подножиям.

Здесь располагалась широкая зеленая полоса, лишь изредка нарушаемая одинокими вулканами. Хорнблауэр провел по ней подзорной трубой, до самого горизонта и обратно. Ему показалось, что он видит слабый белый отблеск. Он вновь поймал это место в поле зрения, засомневался: белое пятнышко то появлялось, то исчезало.

— Совершенно верно, это действительно прибой, — сказал он и тут же пожалел о сказанном. Решительно незачем было отвечать Кляю. Пусть ненамного, но он уронил свою репутацию человека абсолютно невозмутимого.

«Лидия» двигалась прямо к берегу. Глядя вниз, Хорнблауэр видел забавно укороченные фигурки людей на полубаке в ста футах под собой, а возле носа — намек на бурун, означавший, что корабль делает около четырех узлов. Они подойдут к берегу до темноты, особенно если к концу дня бриз усилится. Хорнблауэр встал поудобнее и вновь посмотрел на берег. Временами он уже отчетливо видел полоску прибоя по обе стороны от того места, где заметил ее впервые. Здесь, должно быть, набегающая волна разбивается о вертикальные скалы и взлетает вверх белой пеной. Он все больше утверждался во мнении, что вывел корабль точно к намеченному месту. По обе стороны от полосы прибоя вода была совершенно ровной, а дальше располагались — опять-таки по обе стороны — два средних размеров вулкана. Широкий залив, остров посередине входа и два вулкана по бокам. Именно так выглядел на карте залив Фонсека, но Хорнблауэр с мучительной определенностью знал: даже небольшая погрешность в расчетах могла увести его миль за двести от того места, где, как он полагал, они сейчас находятся, а в этом вулканическом краю разные отрезки побережья весьма схожи. Может быть не один такой залив и не один остров. Мало того, карты ненадежны. Это — копии с карт, которые Ансон¹ захватил шестьдесят лет назад в этих самых водах. Всем известно, что карты, составленные даго, — а тем более карты, составленные даго и переснятые безмозглыми адмиралтейскими клерками, — немилосердно врут.

Но пока он смотрел, сомнения его понемногу рассеивались. Открывающийся перед ним залив был непомерно велик, — если б на побережье был еще один такой, его не пропустили бы даже картографы-даго. Хорнблауэр на глаз прикинул ширину

¹ *Джордж Ансон*, 1-й барон Ансон (1697–1762) — британский адмирал, знаменитый своим кругосветным плаванием. В 1740 г. был послан в Южную Америку командующим эскадрой для атаки на испанцев в конфликте, известном как Война за ухо Дженкинса.

входа в залив: что-то около десяти миль. Чуть дальше виднелся еще один типичный для местного ландшафта остров — круто встающий из воды правильный конус. Дальний берег залива Хорнблауэр не различал даже сейчас, хотя за то время, что он пробыл на мачте, корабль прошел около десяти миль.

— Мистер Клэй, — сказал Хорнблауэр, не снисходя до того, чтобы оторваться от подозрной трубы. — Спускайтесь на палубу. Передайте мистеру Джерарду мои приветствия и попросите его любезно отправить матросов на обед.

— Есть, сэр, — сказал Клэй.

Сейчас на корабле поймут, что предстоит нечто необычное, раз обед сдвинули на полчаса вперед. Британские флотские офицеры всегда старались досыта накормить матросов перед особо трудной операцией.

Хорнблауэр на верхушке мачты подвел итог увиденному. Не приходится сомневаться, что «Лидия» держит курс на залив Фонсека. Он показал незаурядное навигационное мастерство, каким всякий мог бы законно гордиться, — спустя одиннадцать недель после того, как они последний раз видели землю, вывел корабль прямо к намеченной цели. Тем не менее он не испытывал восторга. Такова была его натура: он не радовался уже достигнутому. Честолюбие постоянно требовало от него недостижимого: казаться сильным, молчаливым, недоступным для обычных переживаний и слабостей.

Пока в заливе незаметно было никаких признаков жизни, ни лодок, ни человеческого дымка. Казалось, Хорнблауэр, как второй Колумб, приближается к необитаемому берегу. Можно было рассчитывать, что ближайший час не потребует от него решительных действий. Он сложил подозрную трубу, спустился на палубу и степенно прошествовал на шканцы.

Кристал и Джерард оживленно беседовали у поручней. Очевидно, они нарочно отошли от рулевого и отослали подальше мичмана; очевидно также, судя по взглядам, которыми они встретили приближающегося капитана, говорили о нем. Вполне естественно, они взволнованны: «Лидия» — первый со времен Ансона английский корабль, проникший на тихоокеанское побережье Испанской Америки. Эти воды бороздит знамени-

тый акапулькский галеон, ежегодно доставляющий в Испанию сокровищ на миллион стерлингов; вдоль этого берега каботажные суда везут серебро из Потоси в Панаму. Получалось, что благосостояние каждого человека на борту обеспечено, если только это позволяют неведомые адмиралтейские приказы. Всех волновало, что же предпримет капитан.

— Пошлите надежного матроса с хорошей подзорной трубой на фор-брам-стенги-салинг, мистер Джерард. — И с этими словами Хорнблауэр пошел вниз.

III

Полвил ждал в каюте с обедом. Секунду Хорнблауэр раздумывал, насколько уместно в полдень, в тропиках, подавать на обед жирную жареную свинину. Есть не хотелось, но желание выглядеть героем в глазах собственного слуги взяло верх. Он сел и десять минут быстро ел, через силу проглатывая невкусную пищу. Полвил с живейшим интересом следил за всеми его движениями. Под любопытным взглядом вестового Хорнблауэр встал, пригнувшись под низким подволоком, прошел в спальную каюту и отпер письменный стол.

— Полвил! — позвал он.

— Сэр! — откликнулся Полвил, тут же появляясь в дверях.

— Достань мой лучший сюртук и пришей на него новые эполеты. Чистые белые штаны — нет, панталоны — и лучшие белые шелковые чулки. Туфли с пряжками, и чтобы пряжки сверкали. И шпагу с золотой рукоятью.

— Есть, сэр, — отвечал Полвил.

Вернувшись в главную каюту, Хорнблауэр устроился на рундуке под кормовым окном и в который раз достал из пакета секретные адмиралтейские приказы. Он читал их так часто, что давно выучил наизубок, но счел благоразумным лишний раз убедиться, что понимает в них каждое слово. Впрочем, они были достаточно недвусмысленны. Некий адмиралтейский клерк, составляя их, дал полную волю воображению. Первые десять абзацев касались плавания до сего момента. Прежде всего

надлежало «елико возможно» соблюдать секретность, дабы в Испании не проведали, что к тихоокеанскому побережью их заморских владений направляется британский фрегат. «Засим предписывалось» по всему пути следования как можно реже приближаться к берегу и «строжайше воспрещалось» подходить к земле на расстояние видимости по пути от мыса Горн до места назначения, то есть до залива Фонсека. Хорнблауэр выполнил предписания буквально, хотя очень немногие капитаны поступили бы так на его месте. Он привел корабль из Англии, лишь раз — у мыса Горн — подойдя к берегу на расстояние видимости. Доверься он неделю назад Кристелу, «Лидия» вошла бы сейчас в Панамский залив, и тогда — прощай всякая секретность.

Хорнблауэр мысленно оторвался от спора о компасных поправках и принудил себя сосредоточиться на дальнейшем изучении приказов. «Засим предписывалось» сразу по прибытии в залив Фонсека вступить в союз с доном Хулианом Альварадо, крупным землевладельцем, чьи поместья лежат к западу от залива. Дон Хулиан намерен с помощью британцев поднять мятеж против испанской монархии. Хорнблауэр должен передать ему пятьсот ружей и штыков, пятьсот патронных сумок, один миллион ружейных патронов — все это он загрузил в Портсмуте — и далее «по собственному разумению всячески способствовать успеху мятежа». В случае если он сочтет это необходимым, он может передать мятежникам одну или несколько корабельных пушек, но доверенные ему пятьдесят тысяч золотых гиней под страхом трибунала запрещалось тратить до последней крайности — то есть не иначе как если без того мятежникам будет грозить неминуемое поражение. Хорнблауэру предписывалось «елико возможно» поддерживать мятежников, вплоть до признания суверенитета дона Хулиана Альварадо над любой территорией, которую тот сможет захватить, если в благодарности дон Хулиан заключит с его британским величеством торговый союз.

Упоминание о торговом союзе, очевидно, разбудило воображение адмиралтейского клерка, ибо следующие десять абзацев были расцвечены подробностями, доказывавшими, сколь необходимо открыть испанские владения для британской торгов-

ли. Перуанский бальзамический тополь и кампешевое дерево, кошениль и золото ждут обмена на британские товары. Перо клерка, выведившее красивым округлым почерком эти строки, так и источало волнение. От залива Фонсека, писал клерк, отходит бухта, именуемая, как полагают, Эстеро-Реаль и близко подходящая к озеру Манагуа. Последнее, по некоторым сведениям, сообщается с озером Никарагуа, из которого вытекает впадающая в Карибское море река Сан-Хуан. Капитану Хорнблауэру предписывалось «со всевозможным тщанием» исследовать возможность для открытия торгового пути через перешеек и направить к тому усилия дона Хулиана.

Лишь после того, как мятеж дона Хулиана увенчается успехом и будут выполнены все остальные предписания, капитану Хорнблауэру дозволялось атаковать корабли с сокровищами, буде он обнаружит таковые в Тихом океане. Мало того, не следовало нападать на корабли, «если таковые действия будут во вред местному населению, кое вышеупомянутых мятежников поддерживает». Для сведения капитана Хорнблауэра отмечалось, что, согласно имеющимся донесениям, в этих водах курсирует двухпалубный пятидесятипушечный испанский корабль «Нативидад». Капитану Хорнблауэру предписывалось при первой же возможности «захватить, потопить, сжечь или иным способом уничтожить» вышеупомянутое судно.

Наконец, капитану Хорнблауэру предписывалось, когда он сочтет это уместным, снестись с контр-адмиралом Наветренных островов для получения дальнейших указаний.

Капитан Хорнблауэр сложил хрустящие листки и погрузился в тягостное раздумье. Приказы являли собой обычное смешение маловероятного с абсолютно фантастическим — такие приказы обычно и получал отправляющийся в дальнее плавание капитан. Только человек сухопутный мог потребовать, чтобы «Лидия» достигла залива Фонсека, ни разу не приближаясь к берегу, и только последовательность чудес (Хорнблауэр не отдавал должного своему опыту и основательным расчетам) позволила это требование исполнить.

Британское правительство давно спало и видело, как бы разжечь мятеж в Испанской Америке. Однако для британских

офицеров, призванных претворить эту мечту в жизнь, она оборачивалась страшным сном. Адмирал Пофам и адмирал Стерлинг, генерал Бересфорд и генерал Уайтлок за последние три года лишились чести и репутации в безуспешных попытках поднять восстание на реке Ла-Плата¹.

Подобно тому и открытие торгового пути через Дарьенский перешеек² было излюбленной мечтой адмиралтейских клерков, вооруженных мелкомасштабными картами и с полнейшим отсутствием практического опыта. Тридцать лет назад сам Нельсон, тогда еще молодой капитан, чуть не погиб, руководя экспедицией по той самой реке Сан-Хуан, которую Хорнблауэру предписывалось пройти от истоков.

Венцом же всего было небрежное упоминание о пятидесятипушечном неприятельском судне. Вполне в духе Уайтхолла с такой легкостью отправить тридцатишестипушечный фрегат сражаться с почти вдвое более мощным противником. Британский флот в последних войнах столь успешно выигрывал одиночные бои, что теперь от каждого капитана ждали победы вне зависимости от реального соотношения сил. Если «Нативидад» возьмет верх над «Лидией», никто не станет слушать оправданий. Если даже неминуемый трибунал и не осудит Хорнблауэра, ему до скончания дней придется бедствовать на половинном жалованье. Если он не уничтожит «Нативидад», если не поднимет и не приведет к победе мятеж, если не откроет торговый путь через перешеек — любое из этих вполне вероятных «не» означало, что он лишится доброго имени, службы и вернется к жене униженный в глазах собратьев.

Перебрав все эти печальные варианты, Хорнблауэр отбросил их с деланным оптимизмом. Прежде всего надо увидиться

¹ В 1806–1807 гг., когда Испания была в союзе с Францией, британцы дважды пытались завладеть испанскими колониями в Южной Америке. В 1806 г. адмирал Хоум Риггс Пофам (1762–1820) и генерал Уильям Карр Бересфорд (1768–1854) захватили Буэнос-Айрес и удерживали его 46 дней, но вынуждены были отступить. Второй попыткой вторжения в 1807 г. руководили адмирал сэр Чарльз Стерлинг (1760–1833) и генерал Джон Уайтлок (1757–1833); она тоже закончилась провалом.

² *Дарьенский перешеек* — историческое название Панамского перешейка.

СОДЕРЖАНИЕ

Все по местам! <i>Роман</i>	5
Линейный корабль. <i>Роман</i>	209
Дурной самаритянин. <i>Рассказ</i>	421
Под стягом победным. <i>Роман</i>	435
Краткий морской словарь	613
Таблица перевода мер	625
<i>Е. Доброхотова-Майкова</i> . Послесловие	626

Форестер С. С.

Ф 79 Капитан Хорнблауэр. Под стягом победным : романы, рассказ / Сесил Скотт Форестер ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 672 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-20724-0

Сага об офицере Королевского флота Великобритании Горацио Хорнблауэре, прошедшем славный и трудный путь от простого мичмана до лорда и адмирала, — уникальное явление в мировой историко-авантюрной литературе. Миллионный круг почитателей, бесконечные тиражи, поистине мировое признание, выведшее писателя в классики жанра, кино- и телеверсии с участием таких известных актеров, как Грегори Пек, Кристофер Ли, и других звезд мирового кинематографа.

Автор саги Сесил Скотт Форестер говорил о своем герое: «Он доставил мне бесчисленных друзей по всему миру. Таможенники читают мою фамилию и пропускают мой багаж, не досматривая. Он свел меня с адмиралами и принцессами, и я благодарен ему, честное слово, хотя и думаю часто, что лучше б ему этого не делать». Не каждому писателю настолько повезло с персонажем.

Сага о Горацио Хорнблауэре оставила заметный литературный след. Книжный сериал Бернарда Корнуэлла о стрелке Шарпе создавался под влиянием Форестера. Патрик О'Брайен, отталкиваясь от книг знаменитой саги, написал многотомную эпопею о капитане Обри. Даже Гарри Гаррисон спародировал по-доброму образ героя Форестера в одном из своих рассказов («Капитан Гонарио Харшплейер»).

В этой книге продолжена морская одиссея Хорнблауэра, здесь он уже капитан, закаленный и потрепанный в битвах, но не оставивший того молодого задора, с которым он пришел в Королевский флот.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

СЕСИЛ СКОТТ ФОРЕСТЕР
КАПИТАН ХОРНБЛАУЭР
ПОД СТЯГОМ ПОБЕДНЫМ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Майя Лахути
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ольга Попова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.01.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-88И-29628-01-Р